

Ошибка дверью

"Дежавю" Дмитрия Хворостовского и Игоря Крутого в Ледовом

"Weekend". Приложение [№212](#) от 13.11.2009, стр. 28

разбирает Владимир Раннев

Новость о совместном проекте оперного баритона с мировым именем Дмитрия Хворостовского и героя совсем другого романа, эстрадного композитора Игоря Крутого, просится скорее не на полосу культуры, а в какую-нибудь деловую жизнь. В отечественном шоу-бизнесе длится кризис перепроизводства юной, в шоколаде и позолоте, поющей бижутерии. Это течение сносит десяток грандов поп-сцены, обремененных вездесущностью и возрастом, в номинацию "ностальжи" или "ретро". Образуется два запроса — на свежее и на настоящее (неподдельное, не фабричное). Пятнадцать лет назад при аналогичных условиях выстрелил бизнес-план "золотой голос России": карамельный Николай Басков оправдал ожидания продюсеров, и странно, что с тех пор никто из них не двинулся в том же направлении.

Тем свежее после долгого антракта смотрится второй акт отечественной поп-оперы. Ее главный герой — брутальный и рафинированный Дмитрий Хворостовский. Никакой карамели, на дворе сплошная плотоядность, ее певец — человек, сам сделавший себя умом, голосом, статью. И умением, если что, поработать локтями.

Сила проекта с Крутым в том, что поп-артист не навязывает публике топ-артиста. Хворостовский — хозяин каждого спетого слова, каждого движения в клипе. Он — настоящий. Этот образ можно было бы считать иллюзией, если бы весь проект "Дежавю" был просто бизнесом, а "другой Хворостовский" — сконструированной продюсерской моделью. Но для певца эта затея — не только бизнес, ведь Хворостовский действительно не только такой, каким его привыкли видеть на оперной сцене или в филармоническом зале.

Словом, неплохо придумано. Но в России оперный олимп далеко отстоит от пантеона народных артистов. Чисто социологически. Здесь не Европа, где любовь к Анне Нетребко объединяет миллионы домохозяек и тысячи интеллектуалов (как

было и с Марией Каллас, наследницей которой считают краснодарскую приму); здесь ей поклоняется не слишком значительный фанклуб опероманов, а для остальных она — успешная, роскошная, но вряд ли любимая. Так было и раньше: Образцова, Козловский, Лемешев — герои параллельной жизни, смущающие обывателей чудными страстями, единственное исключение (да и оно мнимое) — Шаляпин. Любили его не за оперу, а за "Дубинушку" и "Очи черные".

Игорь Крутой написал двадцать пять песен, как раз на два отделения и два CD. На всех афишах большие музыканты запечатлены вдвоем, как бы оформляя союз арии и песни. Ведь и впрямь оперы когда-то напевали на улицах — так почему бы не организовать дежавю, не потряхнуть чужой стариной?

Союзники старались сделать "так же как" (на эстраде) и "не хуже чем" (в опере). Но так и не притерлись друг к другу. Мелодии Игоря Крутого, раскланиваясь оперному ариозному стилю, какие-то обмякшие, мотивно едва ли цепкие; на слуху не остаются, в памяти не застревают. Для эстрадного жанра худой признак. А для крепкого оперного стиля они слишком прямолинейны и банальны. Оркестровое и хоровое звучание вылизано так, что не понятно, живой это звук или "идентичный натуральному" midi-заменитель; во всяком случае оркестр и хор нигде не упоминаются. Хворостовский то обаяет по-бернесовски, то отталкивает форсированным вокалом. Тексты песен Лилии Виноградовой тоже ни два ни полтора: тиражный поэт-песенник пререкается с велеречивым лириком, банальность — с либреттообразием.

Все сметано в костюм из райкинской репризы про ателье. "Необыкновенно новая мелодика" и "мастерски заточенное перо" — пиар-тексты это отдельная песня — такой же новодельный вырви-глаз, как, допустим, насмерть зареставрированные архитектурные памятники обеих столиц. И если визуальная проектная документация (афиши, клипы, шоу) усердно живописует "настоящего баритона" без страха и упрека, то волшебное касание Игоря Крутого превращает его — положим, не в тыкву превращает, но во все ту же перепроизводственную бижутерию. С этой музыкой не въехать в народные любимцы, это не "Дубинушка" и не "Очи черные". Да, попса в России — единственная незаколотая дверь в народное сердце, но Хворостовский ошибся дверью и попал в бухгалтерию.

Ледовый дворец, 13 ноября 2009
